

На конференции также состоялись презентации мини-журнала «Медиа-Дискурс: Теория и практика массовых коммуникаций» (главный редактор Д.Л.Стровский), проекта МГИМО (У) МИД РФ «Политический атлас современности», представленного М.В.Ильиной и Е.Ю.Мелешкиной, проекта межкультурных коммуникаций ассоциации «Друзья Франции», представленного Л.М.Андрюхиной и Н.Ю.Фадеевой.

К началу конференции был издан сборник докладов общим объемом 21,5 п.л., который все желающие могут заказать по E-mail: dipi@nm.ru или по адресу: 620144 г.Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 68, Институт философии и права УрО РАН.

Далее читатели альманаха могут познакомиться с текстами докладов конференции, которые мы публикуем дополнительно к изданному сборнику.

ДОКЛАДЫ

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА В РОССИИ

М.В. Ильин

**Ильин Михаил
Васильевич**

доктор политических
наук, зав. кафедрой
сравнительной
политологии
МГИМО(У) МИД РФ,
профессор г.Москва

E-mail:
ilyin@politstudies.ru

Слова дискурс и дискурс-анализ получили в последнее время широкое хождение в университетской, академической среде. Однако в их трактовке существует большой разницей. Отчасти это связано с разрывами в усвоении латинского слова *discursus* в новоевропейских языках и с поверхностным усвоением концептной истории соответствующих понятий. Ситуация в отечественной традиции на порядок хуже.

Перспективы дискурс-анализа в России связаны, во-первых, с систематизацией научного аппарата и методологических подходов, во-вторых, с восстановлением отечественной традиции дискурс-анализа.

1. Научный аппарат. В прошлом веке происходит постепенное возвращение слова дискурс в новоевропейские языки для обозначения содержательной стороны человеческого общения в самом широком смысле или различных сторон и проявлений этого общения. Семиотический, а затем и лингвистический «повороты» в науке XX века способствовали как возрастанию интереса к смысловой стороне действительности.

До сих пор попытки выделить особую научную область изучения смысловой организации человеческой деятельности упираются в стойкие

дисциплинарные предрассудки и установки предпринимавших эти усилия специалистов. Поверхностное усвоение соответствующего понятия, его некритическое использование в различных предметных областях, что ведет не просто к так называемому «растяжению понятия» (*conceptual stretching*) [Sartori 1970; Сартори 2003], но и к его «разрыванию» на различные понятия. На практике это означает, что разные дисциплины, научные направления, школы, а то и отдельные исследователи создают свои особенные понятия, но обозначают их общим словом дискурс.

Фундаментальное различие реальности и действительности⁽¹⁾ лежит в основе информационно-энергетической онтологии человеческого мира, представленной, например, Т.Парсонсом в виде модели «социальной системы» [Parsons 1966]. Действительность создается людьми и потому «субъективна». Однако она также «интерсубъективна», образована соединением людских мечтаний, намерений и действий, а оттого не менее «объективна», чем самые прочные природные образования. Созданный поэтом памятник вполне может оказаться прочнее пирамид и горных кряжей. Действительность предстает перед нами в виде отдельных целостных образований. Это и события истории, и пушкинская «энциклопедия русской жизни», и весело проведенный праздник, и жаркие предвыборные дебаты, и судебные слушания, и политическая манифестация. Все эти явления при их очевидной разнородности объединяются тем, что представляют собой некие «фрагменты» действительности, которые обладают целостностью, благодаря своей смысловой или семиотической организации. Именно это общее свойство делает их дискурсами. Таким образом, дискурс в самом широком его понимании можно определить как целостный эпизод действительности, который объединен своим собственным содержанием, своей семиотической организацией и значим для

вовлеченных в этот эпизод людей.

В семиотике различаются два плана. Это синхрония или знаковые системы в их редукции к некому условному, «остановленному» времени, то есть рассматриваемые фактически вне времени. Это также диахрония или рассмотрение знаковых систем не просто в действительном времени, но как систем развертывающихся в этом времени.

Данное семиотическое различение хорошо конкретизируется на лингвистическом материале как фундаментальная оппозиция языка и речи. Эта оппозиция была разработана великим швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром. Язык во всей своей целостности или *langage* имеет две стороны: *parole* – речь, события общения, как они происходят во времени и *langue* – абстрактную систему языка, которую используют общающиеся в любой момент речи.

При уточнении сосюровской концепции бельгийский лингвист Эрик Бюиссанс предложил называть дискурсом (*discours*) то, что позволяет соединить язык как систему (*langue*) и речь как деятельность (*parole*), но при этом конкретнее и уже языка в его целостности (*langage*) [Buysens 1943]. Предложенный Бюиссансом подход позволяет различить три типа дискурса: два взаимоисключающих и один интегрирующий. Во-первых, он может пониматься как дискурс-продукт – аналогичные речи эпизоды человеческой деятельности, развернутые в действительном времени и значимые для вовлеченных в них людей. Во-вторых, он может определяться как дискурс-программа – значимая для соответствующих групп людей система правил понимания (интерпретации) подобных эпизодов и/или их создания (порождения). В-третьих, его можно непосредственно связать со способностями группы и составляющих ее людей использовать систему правил для создания осмысленных эпизодов действительности, а также придавать эпизодам своей деятельности смысл путем выработки или уточнения правил их понимания. Иными словами дискурс в третьем смысле – назовем его дискурс-конвертор – отождествляется с творческими усилиями людей по созданию и пониманию своих эпизодов действительности.

Еще одна принципиальная особенность дискурса состоит в том, что он не сводим ни к тексту, ни к речевой деятельности. При всей важности языковых аспектов политики она не сводится только к речевым актам. В политике очень много всякого рода действий, насыщенных символикой, смыслом. Это и манифестации, и политические дебаты, и всего рода процедуры и церемонии. Все они построены на определенных знаках. Эти знаки используются сознательно и систематически. Поэтому нельзя не признать, что дискурс охватывает всю символическую деятельность политиков и граждан. Это как раз это и составляет суть современного понимания дискурса.

Что касается текста, то классический авторский текст отличается от дискурса еще и тем, что у дискурса нет и не может быть автора. Он всегда охватывает эпизоды политического процесса, например, манифестации или политические дебаты. Эти дискурсы возникают в результате того, что столкнулись воли нескольких участников, каждый из которых продуцирует что-то в этом совместном дискурсе, а нечто целое возникает только в результате сложения воли и смыслов на первый взгляд непредсказуемым образом. В результате дискурс оказывается произведением многих авторов.

Для того, чтобы некий фрагмент действительности признать дискурсом, нужно, чтобы он состоял из элементов-знаков (словаря), чтобы они были логически друг с другом связаны кодом и образовывали сообщение от кого-то кому-то. Словарь, код и сообщение соответствуют трем семиотическим уровням – семантике, синтактике и прагматике. Применительно к политике это деление было развито Чарльзом Мерриамом и Гарольдом Лассуэллом. Чарльз Мерриам, прямо ссылаясь на одного из отцов семиотики Кларенса Льюиса, выделяет два существенных момента. Это символы или знаки власти, которые он называет миранда (*miranda*), т.е. “вещи, достойные восхищения” (иногда он также пользуется антиномическим понятием – *horrenda* или “вещи, вызывающие ужасание”). Затем он выделяет широкие комплексы, включающие миранда и хорренда, а такие объединяющие их политические функции. Эти комплексы он называет креденда (*credenda*) или “вещи, в которые надлежит верить” [Merriam].

Ученик и сотрудник Мерриама Гарольд Лассуэлл развил эту схему, положив в основу миф, понятый как “фундаментальное исходное мнение” (*fundamental assumption*). Затем он выделяет в мифе “символы чувства и идентификации” и вслед за Мерриамом называет их миранда. К ним он добавляет политическую формулу, которая представляет собой “часть политического мифа, описывающую и предписывающую в деталях социальную структуру”. Рационализированный таким образом изнутри миф превращается в креденда, которые в совокупности и целостности Лассуэлл предпочитает называть политической доктриной [Lasswell].

Американские политологи не просто усвоили начатки семиотики, но совершили открытие, дополнив три уровня семиотики – семантику (уровень содержания знаков), синтактику (уровень отношений между знаками) и прагматику (уровень отношений между взаимодействующими, использующими знаки и отношения субъектами) – еще одним уровнем мифа, где и смыслы, и отношения, и субъекты слиты в общей самоочевидности. Данная концепция была отчетливо сформулирована в семиотике лишь в конце века [Ильина 1994].

2. Отечественная традиция. В нашей стране

зачинателями дискурсного анализа стали так называемые русские филологи, составлявшие молодое поколение так называемой московской лингвистической школы, которую также нередко называют «формальной» или фортунатовской. Сама эта школа сложилась в результате деятельности Ф.Ф.Фортунатова в Московском университете в 1876-1902 годах. Молодые представители школы образовали в 1915 году – примерно через год после смерти Ф.Ф.Фортунатова – так называемый Московский лингвистический кружок (МЛК), который действовал до 1924 года. Примерно тогда же, в 1916 году, но уже в Петрограде было создано Общество по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ), просуществовавшее до конца 20-х годов. Последним программным документом ОПОЯЗа стали тезисы Ю.Н.Тынянова, примкнувшего к ОПОЯЗ в 1919 году, и Р.О.Якобсона, являвшегося основателем как ОПОЯЗа, так и МЛК - его председателя в 1915-1919 годах.

Крайне продуктивной была деятельность М.М.Бахтина, В.Я.Проппа и Г.Г.Шпета. Ключевое, хотя так до конца не оцененное значение для дискурс-анализа вышедшая в 1928 году книга Владимира Проппа о морфологии сказки.

Основные идеи русских формалистов были усвоены мировой наукой благодаря деятельности Пражского лингвистического кружка, действовавшего с середины 20-х до начала 50-х годов. Важна была также роль Копенгагенского лингвистического кружка, действовавшего с начала 30-х годов, а также более поздних структуралистов, прежде всего так называемой массачусетской ветви американских структуралистов, возглавлявшейся Р.О.Якобсоном.

В нашей стране проблематика политического дискурса с учетом «дискурсного поворота» стала осваиваться уже в 70-е и 80-е годы. Знакомству с достижениями мировой науки способствовали рефераты ИНИОН и переводы, например, издание в 1987 году «Прогрессом» сборника «Язык и моделирование социального взаимодействия», редакторами которого были В.М.Сергеев и П.Б.Паршин. Одним из первых центров исследований политического дискурса стала лаборатория, позднее Центр международных исследований в МГИМО. Здесь творчески взаимодействовали А.Н.Баранов, Н.И.Бирюков, А.В.Загорский, В.М.Сергеев, И.Г.Тюлин и др. Затем возникла Лаборатория структурного анализа и моделирования политических решений в ИСКАН, что позволило расширить круг исследователей за счет В.П.Акимова, А.А.Игнатьева, А.А.Кокошина, П.Б.Паршина, В.Л.Цымбурского и др. Результаты их деятельности были только частично отражены в ряде публикаций, например, в сборнике 1990 года «Язык и социальное познание».

Одной из первых попыток собрать вместе как российских исследователей политического дискурса, так и их зарубежных коллег стало проведение в 1988 году международной конференции по

неконфронтационному общению, организованной Советским комитетом защиты мира. О характере конференции дают представление материалы некоторых из советских участников, подготовленные к конференции, но опубликованные с опозданием [Пути к пониманию 1989]. На этой конференции возникла международная научная инициатива «Политические понятия на Востоке и Западе». В рамках этой международной инициативы была осуществлена серия научных разработок, часть которых опубликована в специальном выпуске журнала «Discourse & Society» (№1 за 1993 год), а также подготовлена монография о концептных переменах в ходе детоталитаризации политического дискурса на Востоке и на Западе [Chilton, Ilyin, Mey 1998].

За последние годы значительно оживился интерес к дискурсу анализу в отечественной науке. Появились многочисленные статьи и несколько десятков монографических работ и сборников статей. Среди них можно отметить некоторые работы только последних лет [Гаврилова, Карасик, Климова, Кубрякова, Томашевская, Чернявская, Чудинов, Шейгал, Юдина], хотя этим перечнем постоянно увеличивающийся ряд исследований дискурса далеко не исчерпывается. Особое направление философского дискурс-анализа сформировалось на Урале вокруг журнала «Дискурс Пи», главным редактором которого является О.Ф.Русакова. Хорошее представление об уральской школе дает сборник [Русакова 2004]. Локальная, но весьма заметная школа лингвистического дискурс-анализа сформировалась в Твери. Эта школа весьма успешно развивает подходы так называемого критического дискурс-анализа [Макаров, Миловидов]. Специальная кафедра во главе Т.Д.Венедиктовой создана в МГУ. Более широкая сеть исследователей дискурса сложилась вокруг журнала «Полис» (В.Акимов, Н.Бирюков, Л.Бляхер, К.Завершинский, А.Казанцев, М.Ильин, П.Паршин, В.Сергеев, В.Цымбурский и др.). Для этой исследовательской сети характерно преимущественное внимание к когнитивным схемам в дискурсе.

Важную роль играют периодические издания. В журнале «Полис» существует постоянная рубрика «Политический дискурс». В 2003 году был также осуществлен тематический выпуск другого журнала – «Политическая наука» (№ 3). Важнейшим центром дискурсологии стал альманах «Дискурс Пи», пять выпусков которого стали заметным вкладом в развитие дискурс-анализа.

В рамках Третьего всероссийского конгресса политологов (2003 г.) был проведен специальный круглый стол по политическому дискурсу, а в рамках Четвертого конгресса (2006 г.) – специальная сессия. Есть все основания полагать, что эта отрасль политической науки будет успешно развиваться.

1. Двойственная онтология реальности и

действительности имеет не только философское и научное выражение – она лежит в самой основе обыденного языка, а значит, и фундаментальных, спонтанно действующих начал мысли. Обыденный язык, точнее, многие новоевропейские языки, отличает вещную реальность (от лат. *res* – «вещь») и, соответственно, *reality*, *réalité*, *die Realität*, etc. от энергийной действительности – *actuality*, *actualité*, etc. (от лат. *actio* – «действие»), *die Wirklichkeit* (от *wirken* – «действовать»).

Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В.Путина и Б.Н.Ельцина). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

Ильина Н.А. Геогностика сквозь призму языка. М.: МГУ, 1994.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.

Климова И.И. Дискурс и его истоки. М., 2000.

Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике. – Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.

Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике

дискурса. Тверь, 2000.

Пути к пониманию. Вып. 1, 2, М.: СКЗМ, Внешторгиздат, 1989.

Сартори Дж. Искажение понятий в сравнительной политологии. – «Полис», 2003, №№ 3, 4, 5.

Русакова О.Ф. (ред.). Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: ИфиП УрО РАН, 2004.

Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современности. СПб., 2000.

Чернявская В.Е. Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000 (второе издание М., 2004).

Buyssens E. Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles: Office de Publicité, 1943.

Chilton P., Ilyin M. & Mey J. (eds.). Political Discourse in Transition in Europe 1989 - 1991. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1998.

Lasswell H.D. Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics. Camb. (Mass.): MIT Press, 1949.

Parsons T. Societies. Evolutionary and Comparative Perspective. Englewood Cliffs., 1966.

Sartori J. Concept Misformation in Comparative Politics. – «American Political Science Review», 1970, № 4.

ТЕОРИЯ Н. ФЭРКЛОУ И ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА В ТРИАДЕ «ТЕКСТ – ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА – СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА»

А.Г. Пастухов

Пастухов Александр Гаврилович
кандидат
филологических наук,
доцент Орловского
государственного
института искусств и
культуры, зав.кафедрой
иностраных языков.

E-mail:
pastalex@orel.ru

Центральным вопросом в теории Н. Фэрклоу является изучение различий между критическим дискурс-анализом и постструктуралистской теорией дискурса. В своей работе Н. Фэрклоу показывает дискурс не только как созидательный, но и как создаваемый, как важную форму социальной практики, которая не только представляет, изменяет знания, идентичности и социальные взаимоотношения, но и рассматривается как арена действия социальных практик и структур. Таким образом, дискурс находится в множественных диалектических отношениях с другими социальными измерениями, а медиа (журналистика, связи с общественностью и т.п.) являются примером дискурсивных практик

(Fairclough 1992: 66).

Дискурсивная практика не только представляет дискурсивные структуры, но и оспаривает те, которые находятся вне его структуры (Fairclough 1992: 66). Исследование разговорной и письменной речи в повседневном социальном взаимодействии (по Н. Фэрклоу – форма дискурс-анализа) (Fairclough 1992: 72), позволяет с позиций лингвистики проследить, как в отдельных текстах протекают дискурсивные процессы. Критикуя лингвистические подходы за их концентрацию исключительно на текстовом анализе, а также за упрощенно-поверхностное понимание отношений между текстом и обществом, Н. Фэрклоу называет их не достаточными, т.к. они не проясняют связь между текстами, социальными и культурными процессами. Необходима, – пишет он, междисциплинарная точка зрения, сочетающая в себе текстовый и социальный анализ.

Применение макросоциологической традиции к дискурс-анализу учитывает то, как социальные практики формируются на основе социальных структур и отношений власти. Вклад интерпретационной традиции обеспечивает понимание того, как в повседневной жизни люди управляют миром. Поэтому в наиболее абстрактном смысле дискурс понимается как: 1) социальная практика, 2) разновидность языка, используемого в пределах определенной области, 3) исчисляемое существительное (отдельный дискурс, этот дискурс,